НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ О ЗАДАЧАХ ЭТНОГРАФИИ

© 1994 г., ЭО, № 2

Н. И. Надеждин

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ НАРОДНОСТИ РУССКОЙ

(часть вторая) *

До сих пор существование народонаселения Русского вне России положительно и официально известно только в пределах Монархии Австрийской; и тут, именно: в Галиции и в Венгрии. Эти Австрийские Руссы, или как они сами себя называют — *Русины* и *Русаки*, численностью своей представляют весьма значительную массу, простираясь, по обозначению туземца Шафарика, до 2 774000 душ, из коих приходится на *Галицию* 2 149000, на Венгрию — 625000 душ. По указаниям того же Шафарика, согласным с прочими местными известиями, они населяют в Галиции: сполна — округи Перемышльский, Львовский, Жолковский, Золочовский, Тернопольский, Березинский, Самборский, Сяноцкий, Стрыйский, Станиславовский, Коломыйский, Чортковский — и отчасти — округи Решовский, Ясельский, Ново-Сяндецкий и Черновецкий или Буковинский; в *Венгрии* же находятся: как большинство общей населенности — в комитатах Мармарошском, Угоцком, Угварском и Берегском, как меньшинство — в комитатах Шарошском и Землянском, наконец, мельчайше рассыпанными дробями — по комитатам Спишскому, Абуйварскому, Турнянскому, Гоморскому, Гевешскому, Боршодскому, Сабоцкому, Сатмарскому, Бигорскому и Арадскому. То есть: обе стороны горного Карпатского амфитеатра, поскольку проходит он между Галициею и Венгриею — являются покрытыми населенностью Русскою: и — чем глубже в горы, тем — гуще, сплошнее и чище **.

Этими, однако, общепризнанными и общесведомыми пределами далеко не ограничивается действительное распространение народности Русской вне России. На всем огромном протяжении нынешней западной границы Российского Государства, от устьев Немана до устьев Дуная, стихия Русская прорывается за рубеж и местами отбрасывается в изумительную даль, можно сказать народною Русскою же поговоркою — «*за тридевять земель в тридесятое царство*»! Только тут, в смутной пестроте местной разнородной населенности, она теряется так, что ее настоящее положение трудно даже обурочить топографически, тем более вычислить точными статистическими цифрами.

Начинаю с *Юго-Запада*, преимущественно известного мне по личному наблюдению.

Здесь в пределах той же еще Монархии Австрийской, смежно с Галициею и Венгриею, лежит особая страна, известная под именем *Трансильвания*, называемая у смежных Русинов и вообще у Славян *Землей-Седмиградской*. Страна эта

---

* Часть первую см. в предыдущем номере журнала — *ред.*

** *Slowansky Narodopis*, 8.

официально значится Мадяро-Немецкою; но действительно господствующее в ней по количеству народонаселение есть Румынское, или, что то же — Волошское. При всем том, она содержит в себе более или менее крупные образчики и других народностей, в особенности из обливающего ее вокруг племени Славянского. В ней есть селения Польские, Моравские, Сербские, Булгарские; есть, наконец, и Русские. Последние изобличают себя самыми наименованиями: *Орос-Фалу, Орос-Фая, Орос-Геди* и т. п. Русскими: селения *Кис-Чергед* и *Нади-Чергед* — в комитате Белградском, также *Бунгард* и *Рейсдорф* — в округе Сибинском — Германштадском; последнее, т. е. *Рейсдорф*, в своем Немецком имени носит не менее явное свидетельство происхождения Русского (Reuss-Dorf — Русская-Деревня) *. Как и когда запали сюда эти проблески Русской народности? Туземные предания ничего о том не помнят и не знают. Но в наших древних летописях сохранились указания: что в старинные времена владычество Русско-Галицких князей простиралось глубоко в нынешнюю Трансильванию; что именно Северо-Восточный ее угол, занимаемый теперь округом Быстрицким и комитатами Колошским и Добокским, был постоянно живым звеном непрерывного сообщения между Русинами обеих сторон Карпата; что даже впоследствии Короли Венгерские имели обычай властвовать здесь через посредство вассалов происхождения и имени Русского, потомков державной крови нашего Равноапостольского Владимира **. Без сомнения, от этого стародавнего порядка вещей остались тут эти рассыпанные по разным местам следы народности Русской. Прежде было их гораздо больше; но последовавшими местными обстоятельствами и переворотами они постоянно все сглаживались и затирались, так что едва держатся и те, которые уцелели доныне. В настоящее время в большей части здешних Русских селений только женщины говорят еще по-русски; мужчины же променяли свой родной язык на господствующие вокруг: мадярский или волошский. Главною причиною тому было давно уже совершившееся увлечение их из древнего праотеческого православия к вероисповеданию протестантскому. Впрочем и в делах собственно религиозных они сохраняют еще доныне множество прежних понятий и привычек, как-то: строгое соблюдение постов и других обрядов домашней набожности по уставу Православной Восточной Церкви и т. п. Что же касается до нравов и обычаев их просто житейского быта, то нельзя довольно надивиться непреклонному их упорству и несокрушимой целости: «в них *Русский дух*», особенно для Русского взгляда — «буквально *воочию проявляется*!»

---

* Упоминовение об этих замечательных для нас местностях находится в любопытном сочинении Трансильванца *Иосифа Бенко*, изданном еще в прошедшем столетии под заглавием *Transsilvania, Magnus Transsilvaniae Principatus, olim Dacia Mediterranca dictus, orbi nondum satis cognitis, nunc multifariam as strictim illustratus,* auctore *Iosepho Benko*, Transsilvano — Siculo, Parocho Közép-Ajtensi et Notario Vener, Dioec. Erdovidekensis Helv. Conf. A. Ordinario. Сочинение это, к сожалению, не оконченное, вышло новым изданием в Клаузенбурге в 1834 г., и доныне считается в Трансильвании классическим, чего действительно и заслуживает, особенно по искренности и добросовестности описаний, качествам, ныне крайне редким за Карпатом. Ср. также *De vistigiis Ruthenorum in Transsilvania, dissertatio quam publice defendet Wolf*. Cabinii, 1802.

** Так, в начале XIII в., славный доныне в крае своими свинцовыми, железными и серебряными рудниками, городок *Родна* (*Rodna, Radna Rudana*), находящийся на границе Трансильвании с Буковиною в округе Быстрицком, был уделом Русского Князя Ростислава, сына Великого Киевско-Черниговского Князя Михаила Всеволодовича, причисленного Православною Русскою Церковью к лику Святых за мученическую смерть от татар. См. *Изследование о Русском Князе Ростиславе, отце Чешской Королевы Кунгуты, и роде его,* нынешнего ученого историографа Богемского *Франца Палацкого*, в Русском переводе напечатанное в *Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете*, 1846, № 3, с. 13. Этот город упоминается и в нашей отечественной летописи, известной под именем *Ипатьевской*, как приют Ростислава при удалении в Венгрию от преследований известного Даниила Галицкого; причем говорится также о соседнем с ним проходе через Карпат, называвшемся тогда *Борсуков-Дел* (то есть — *Барскоем-Гора*) — ныне под именем *Борсек* (*Borszek*), славящимся в окрестностях своими целебными минеральными водами. *См. Полное Собрание Русских летописи*, ч. II, с. 175. Замечаю это, чтобы показать, как самая топографическая номеклатура края в существе своем есть доныне Русская, искаженная только чужеязычным произношением.

Возвращаясь из этой отдаленной глуши опять на сю сторону Карпат, мы находим так называемые придунайские княжества: *Молдавию* и *Валахию*. Тут присутствие Русской стихии обнаруживается еще явственнее, еще резче и целее. Особливо в Молдавии, она просвечивает всюду сквозь господствующий слой населения Румунского; наиболее же — в так называемой *Молдавии-Верхней* (*Цара-де-Сус*): в цинутах Ботошанском, Дорохойском, Сучавском, Нямецком, Бакейском, Романском и Ясском, где население чисто Русское, живущее и смешанно с Румунами и особняком, безошибочно можно полагать в несколько десятков тысяч душ. Собственно Валахия в этом отношении далеко уступает Молдавии; однако и там есть целые околотки, наполненные Русскими, например — *Браила* со своими окрестностями. Между нынешними представителями Русской народности среди Молдаван и Валахов много очень таких, которые зашли сюда весьма недавно; есть впрочем немало и старожилов, даже очень древних старожилов. К объяснению происхождения этих последних ключ отчасти дает нам история. Известно, что нынешнее господство народонаселения Румунского, как в Валахии, так и в Молдавии, получило начало свое весьма поздно: в Валахии — с XII, в Молдавии — только с XIV столетия. До тех пор в борьбе с разными дикими полчищами, набегавшими сюда из степей Азии, домовничал здесь, очевидно, элемент Славянский: элемент, которому должны были покориться и долго покорствовали самые Румуны, сведенные сюда с Карпата основателями нынешних Княжеств, что свидетельствуется, между прочим, недавно только прекратившимся в них всеобщим деловым употреблением языка и письменности Славянской. Какой же был именно этот Славянский элемент, в своей живой действительности? — В Валахии — отчасти Болгарский, что́ особенно должно разуметь о так называемой Малой Валахии; но в Молдавии, на всем ее пространстве — не иной как Русский! — Это не должно подлежать никакому сомнению, когда мы вспомним, что, по определенным указаниям наших древних летописей, в XII и еще в XI веке, жизнь и история собственно Русская является «до́ма» на *Днестре*, *Пруте* и *Серете*, до самого Дуная *; что тогда в местечке Берладе, существующем поныне в сердце так называемой *Молдавии-Нижней* (*Цара-де-Джиос*), находилась столица удельного Русского Князя, от крови С. Владимира **; что затем долго еще в списке «городов Русских» поименно значились города Верхней-Молдавии: на Пруте — *Чернаский-Торг* (ныне — *Черновцы* или *Черновиц*), на Молдове — *Романов-Торг* (нынешний *Роман*), в горах — *Нямеч* (по нынешнему — *Нямц*), дальше — Сучава, Серет и другие ***; что, наконец, вследствие того, что в XV веке, при совершенном изменении внешних политических обстоятельств, в трактате между Императором Римским Сигизмундом (в качестве Короля Венгерского) и Владиславом-Ягайлом Королем Польским (в качестве Великого Князя Западно-Русского), нынешнее пространство придунайских Княжеств поделено было так, что *Берлад* и *Килия* отошли к Сигизмунду, *Белгород* же (нынешний — *Аккерман*) и самые *Яссы* (в подлинном документе — *Iaskytarg*, то есть — *Ясский-Торг*) остались за Владиславом по праву, как сказано именно в трактате, принадлежности их к «землям Руси» (pro terris Russiae) ****.

---

* Сюда кроме многих свидетельств, рассыпанных в наших летописях, относится и известное место *Слова о Полку Игореве*, в котором Галицкий Ярослав-Осмомысл представляется «*суды рядящим до Дуная*» и даже «*затворяющим ворота Дунаю*»; последнее, конечно, и о чем другом нельзя разуметь, как о так называемых доныне Железных-Воротах Дуная, на границе Валахии с Баннатом.

** И. Г. Р. (сжат. изд. Эйнерлинга). Т. II. С. 120. Пр. 283.

*** Воскресенский Летописец. Ч. I. С. 20. Ср. Нестор. изданный Шлецером (в переводе Языкова). Ч. II. С. 779.

**** Вот собственные слова трактата со стороны Владислава, как он издан в известном Собрании *Догела*, I. 46: Quod forum *Iaskytarg* ma neat *pro* nobis (Vladislao) et *terris Russiae*, forum autem Berleth maneat Sigismundo et Coronae ipsius Regni Hungariae. Ita quod *Byelogrodum* aequali medietate *pro* nobis et *terris Russiae*, et Kyha pro Sigismundo maneaut divisae. Et pars illa, quae ex tali divisione nobis cedet, *remaneat in manibus nostris sub forma pacis et treugarum super terras Russiae*. Ср. *I. Ch. V. Engel*. Geschichte von Galizien und Lodomerien. Halle, S. 627 ff: Сюда же принадлежит и то до сих пор остававшееся в неизвестности обстоятельство, что на куриальном языке Патриархата Константинопольского в продолжение XIV и XV веков нынешняя Молдавия называлась *Россо*-Влахией.

Итак, вот с которых еще пор, независимо от позднейших выходцев, сохраняется здесь население в полном смысле старорусское. А как, и в те поры, оно не представляется тут новым, недавно пришлым, то мы безошибочно можем видеть в нем продолжение потомства тех древних Славяно-Русских Тиверцев и Угличей, которые, по свидетельству древнейшей нашей летописи, «*приседяху к Дунаеви*», о которых та же летопись говорит: «бе множество их, и суть гради их до сего дня, да то ся зваху Грек — Великая Скуфь!» *...

В настоящее время это старорусское население, как я уже заметил, не малочисленно в Молдавии, особенно Верхней. Но его трудно различать между Румунами, с которыми Юго-Западные Руссы вообще чрезвычайно сходствуют во всех особенностях наружного житейского быта. Сохраняется в нем только язык Русский, и то больше про себя — для домашнего обихода. Есть также церкви, в которых богослужение совершается по-русски — именно для этих русских старожилов: ибо новые выходцы из России потому более и выходят сюда, что чуждаются Православной Церкви вообще, Русской в особенности. Чисто русского православного богослужения святилищем остается здесь поныне знаменитый монастырь *Нямц*, в того же имени цинуте Верхней Молдавии, на границе княжества с Трансильванией и Галицией. Монастырь этот, в том виде, в каком он существует теперь, есть создание природного русского, память которого чествуется доныне всеобщим благоговением не только в Молдавии и Валахии, но и на всем Православном Востоке. То был так называемый Великий старец *Паисий*, по мирскому имени *Петр Иванович Величковский*. Лицо это так примечательно, что я не боюсь во зло употребить ваше, Милостивые Государи, внимание, остановясь на главных хотя чертах его биографии, существенно принадлежащей к нашей народной истории **.

Сын Полтавского Протоиерея, юный Величковский родился в начале прошлого века, в последних годах царствования императора Петра Великого (1722). Воспитывался он первоначально в училищах Киевских; потом, увлекаемый внутренним призванием к иноческой жизни, начал приготовительный искус в Любицком монастыре в нынешнем Городнинском уезде Черниговской губернии, вступил в первую степень монашеского чина в монастыре Медведомском в Чигиринском уезде нынешней губернии Киевской и затем возвратился опять в Киев, в тамошнюю знаменитую Лавру, где пристроился к типографии для научения гравировальному на меди искусству. Отсюда впоследствии, томимый жаждой высшей деятельности, он отправился дальше на Юг: сначала — в Княжества, где, пробыв три года в разных монастырях, выучился в совершенстве по-волошски; потом к главной цели своих стремлений — в Святую Гору Афонскую. Тут прожил он семнадцать лет, посвящаясь в глубочайшие и сокровеннейшие таинства духовного иноческого совершенства. Скоро стали собираться к нему ученики, большей частью из русских и других славян, так что наконец возник целый особый скит, где, в знак полного духовного единства двух разных народностей с двумя разными языками, введено было, по оригинальной мысли учредителя, небывалое до тех пор совокупно двойное богослужение: Славяно-Русское и Волошское; то есть: при каждой службе церковной чтение и пение поочередно — то по-русски, то по-волошски. Верный этой мысли по всей ее плодовитой обширности, учредитель сам, изучивший между тем совершенно древний греческий язык, посвящал остававшиеся у него от прочих трудов и подвигов досуги

---

* *Полное Собрание Русских Летописей*, ч. I, с. 5.

** Биография Старца *Паисия* была писана многими из его учеников: по Славяно-Русски и по-Румынски. У меня находится теперь под руками последнее из всех сокращение, составленное, также на обоих поименованных языках Схимонахом *Платоном*, бывшим долго в звании писца при самом Старце, и одобренное Собором Обители Нямецкой; именно: экземпляр издания, вышедшего в Нямце в 1836 году, под заглавием: «*Житие блаженнейшего отца нашего Старца Паисия*», который получен мною лично из рук нынешнего Нямецкого Настоятеля. Впрочем в рассказе моем я пользуюсь и некоторыми устно сообщенными в Нямце преданиями, которые сохраняются там во всей свежести.

на перевод с греческого разных непереведенных дотоле духовных творений по-русски, побуждая других способных к тому же из собратий делать подобные же переводы по-волошски. С таким духом и в таком устройстве эта примечательная иноческая колония, предводительствуемая учредителем, снялась напоследок со Святой Горы и двинулась обратно на Север. *Петр Величковский* был уже тогда иеромонахом *Паисием*, но без всякого начальственного сана, с одной нравственной властью над своими учениками и спутниками. Стечение благоприятствующих обстоятельств решило его пристать и водвориться в предложенном от Молдавского Правительства монастыре *Драгомирне*, в соседстве древней митрополии Молдо-Влахийской, старорусского города *Сучавы*: это как нельзя лучше согласовалось с его любимой идеей двународного единства, ибо тут, в общей местной населенности, обе стихии, Русская и Румунская, действительно соприкасаются меж собой в совершенном почти равновесии. Прошло затем новых двенадцать лет, как, вследствие политических переворотов, прекрасный приют Драгомирнский в составе так называемой *Буковины* отошел под владычество Австрийское. Тогда Паисий с братиею, состоявшею уже из 350 человек, чтобы не оставаться под Папистами, «*с ними же*», как говорит его жизнеописание, «мир духовный Восточной Церкви никогдаже быти можаше», скорбя и плача горько, снова поднялся с места и вдвинулся назад, в пределы, оставленные Молдавскому Княжеству; сначала — в скит Секул, потом — в обитель Нямецкую, где и утвердился окончательно *. Все эти внешние перемены нисколько не изменили плана действий, единожды им принятого. По-прежнему при его личном неутомимом содействии избранными братиями продолжались двуязычные переводы с греческого; кроме того, на время зимнее, когда прекращались внешние хозяйственные по монастырю работы, исправляемые лично монахами, заведены были ежедневные по вечерам собрания братии, где производилось чтение и живое поучительное собеседование на обоих же языках по очереди, как и при богослужении. Так как Паисий, душа всего, сам был Русский, то, при всей заботливости его о совершенном уравнении обеих народностей, главная доля, в словесном и в письменном употреблении, естественно должна была доставаться языку Русскому. Вследствии того, общежительство как Драгомирнское, так потом и Нямецкое сделалось рассадником благочестия общехристианского, образованности же преимущественно русской. В Нямце устроилась даже Славянорусская типография, из которой вышли примечательные издания там же и составленных переводов, кои впоследствии распространились по России и до сих пор не перестают перепечатываться в наших духовных типографиях. Старец, поистине заслуживший имя Великого, сам действовал до конца своей жизни; и как действовал? Приведу подлинные слова из его жизнеописания: «Зело прилежаше к переводу с Эллино-Греческого на Славено-Российский язык отеческих и богословских книг... Како же писаше, удивлятися подобает. Немощен бо телом отнюдь бяше, и на всем правом боку раны бяху. На одре, идеже почиваше, округ обложше себя книгами: сколько лексиконов, Библия Греческая и Славянская, книга из нее же перевод творяше, посреде же свеща; сам же, аки мало вотроча, седя согнувшися, всю нощь писаше, забывая и немощь тела, и тяжкие болезни, и труд»... В это последнее время своего земного труженичества доблестный подвижник утешен был наконец торжественным признанием его бессмертных заслуг и со стороны

* Православный монастырь *Драгомирна* существует доныне под владычеством Австрийским. Он находится верстах в 10 от города Сучавы, к Востоку, на самой границе Буковины с Молдавией. Богослужение и теперь совершается в нем большею частию по-русски. Сверх того находятся в нем кое-какие остатки некогда весьма значительной коллекции рукописей Славяно-Русских, собиранию которых начало положил еще основатель монастыря ученый митрополит Сучавский *Анастасий Крымкович*, происхождением и воспитанием Русский. Другие памятники, свидетельствующие прежнее библиографическое богатство этой коллекции, неизвестно какими путями зашли в Библиотеки Венскую и Дрезденскую, где блюдутся доныне. О выходе отсюда Паисия при вступлении края под власть Австрийцев между туземцами сохраняется много чрезвычайно занимательных воспоминаний.

России. При занятии Молдавии победоносными войсками Екатерины Великой, когда местное церковное управление вверено было Архиепископу Екатеринославскому Амвросию с качеством местоблюстителя Молдовлахийской Экзархии, старец, почтенный особым вниманием Главнокомандующего, Светлейшего Князя Таврического, лично от Преосвященного Амвросия посвящен был в Архимандрита монастырей *Нямца* и *Секула*: звание, в котором он и скончался, исполненный долготою дней и трудов, на исходе украшенного им столетия (15 ноября 1794).

С кончиною достопочтенного мужа, чин, учрежденный им в обоих поименованных монастырях, преимущественно же в Нямецком, не прекратился. В особенности поддерживали и живой дух этого чина непосредственно следовавшие друг за другом в управлении обоих с тех пор нераздельных монастырей, четыре сряду его преемника: все из природных Русских. Ныне настоятельство Нямецкое исключительно удерживается туземцами; и в братстве, число которого в настоящее время простирается до 700 человек, наличное большинство состоит тоже из туземцев. Но, по завету Паисия, равностепенное соединение двух языков при богослужении наблюдается нерушимо: одна сторона, один хор или крылос в церкви поет и читает всегда по-славянски; и притом с точным соблюдением всех особенностей порядка и благолепия церковного, принадлежащего собственно России. Поэтому в последнее время принято за правило со стороны нынешнего Молдавского Правительства: в день Св. Николая Чудотворца, тезоименитство благополучно царствующего Государя Императора Всероссийского, Августейшего Покровителя Княжеств, вызывать в Яссы здешних монахов, которые там, в придворной церкви, совершают торжественно литургию и благодарственное молебствие по-русски, совершенно как в России.

Впрочем не в одном церковном богослужении создание Паисия представляет в себе признаки своего Русского начала и происхождения. В общежительстве Нямецком, несмотря на его внеобщественный, отшельнический характер, сохраняются обычаи, в которых Русскому нельзя не узнать своего живо-народного быта. Вот как, например, совершается там общий монастырский сенокос, в котором лично участвует вся братия. В назначенный день, по отправлении с раннего утра обедни, весь монастырь крестным ходом двигается на общественный луг, с хоругвями и иконами: монахи — в мантиях, священнодействующие — в ризах, настоятель со своим начальственным посохом. По прибытии на средину луга совершается приличное молебствие, луг окропляется святою водою и дается благословение на работу. Тогда все без изъятия, монахи и иеромонахи, простые послушники и высшие монастырские сановники — все берутся за косы и в дружных рядах рассыпаются по лугу: только дряхлые старики, обессиленные болезнями, или по другим причинам неспособные к делу, не принимают участия в работе. Во время работы священная дружина одушевляет себя пением разных церковных гимнов. Так скашивается все назначенное на тот день пространство: и потрудившаяся братия, такой же торжественной процессией, возвращается в обитель, где дневное послушание заключается совершением в церкви вечерней службы. За исключением религиозной величавости, принадлежащей собственно монашескому устройству, не есть ли это живая картина общинных работ, как они производились некогда по всей Руси, как производятся еще и ныне по местам, где старая Русская община сохранилась целее; например: в Сибири — тоже при сенокосах; на Урале — при общественной рыбной ловле?

Подобных семенников Русской народности, заключенных в стенах монастырей, в прошлом еще веке немало было и в собственно Валахии. В «Жизнеописании Старца Паисия» поименованы скиты *Мерло-Поляна, Трейстены, Долгоуцы*, где отшельничествовали в то время природные Русские. Скиты эти находятся в жудеце Рымникском, смежном с Молдавиею и Трансильваниею: в северо-восточном углу Горной Стороны Валахии, называемой по-русски — *Мутьянщиной* или *Землей Мунтянской*. И в настоящее время скит Мерло-Полянский слывет еще в крае Русским; в нем сохраняется много остатков и письменности Русской, свиде-

тельствующих, что тут было место не только пребывания, но и жизненного развития стихии Русской...

Так дойдем мы до самого Дуная, по явным живым следам извечного наслоения Русского, не говоря уже о свежих наносах, которыми оно беспрерывно подновляется. Но и тут далеко еще не конец его изумительному растяжению. *За* Дунаем, во всю длину этой исполинской реки от так называемых Железных Ворот до моря, побережье испещрено селениями чисто русскими, в особенности скучивающимися в той части Дунайской дельты, которая известна под именем *Добруши*, насупротив нынешней нашей Бессарабии. На этом последнем пространстве, больше даже чем в Бессарабии, можно почти позабыться и счесть себя вовсе невыезжавшим из России: так бросается в глаза преобладание языка, одежды, домашнего порядка и заведения, одним словом — всех отличительных особенностей народности собственно Русской. Много деревень и слобод, весьма значительных, заселено исключительно русскими; в других живут они смешанно с болгарами и волохами, но так, что остаются совершенно русскими. В *Тульче*, главном городке стороны, из них состоит решительное большинство населения; оттого этот городок, получивший в последнее время немаловажное торговое значение, в шутку называется у туземцев «*Малою Одессою*» или еще народнее — «Малыми Адестами». В самом деле, тут на каждом шагу встречаешь великороссийскую бородку или малороссийский чуб; в каждом почти окошке видишь южнорусский очипок или севернорусский повойник. По улицам, на базаре, везде, где только столпится в кучку народ, не слышишь другого разговора, как русского, с необходимою приправою того крупного народного красноречия, по которому и в вавилонском смешении языков трудно бы было не распознать человека русского. Лучшее здание городка есть новопостроенная православная Русская церковь, красующаяся на живописном, отовсюду видном возвышении, и что всего замечательнее — в Турции, и с колоколами, в которые производится обычный благовест и трезвон точно в Православной России. Настоятель этой церкви, Отец Филип, с ног до головы Русак, человек отличного поведения, весьма умный и притом искусный иконописец, пользуется всеобщим уважением; ему оказывается особенное внимание даже со стороны местных властей мусульманских. Коротко сказать: при весьма разнообразном составе целости своего населения городок этот в общем впечатлении производит идею города Русского, где остальная смесь, как и во многих других городах России, составляет случайную примесь. Что же касается до изобилия Русской стихии во всей этой стороне, то оно особенно поразило меня на знаменитой местной ярмарке, бывающей при урочище *Кара-су*, между Чернаводою и Кюстенджи, верстах в 70 от Тульчи к югу. Тут, на совершенно голой степи, где нет ни кола, ни двора, навалило народу тьма-тьмущая, со всего пространства между Дунаем и Балканами: несмотря на то, Русские были очень заметны; особенно вечером, когда дневной шум и гам притих, вся пустынная глушь степи огласилась удалыми песнями Русского языка и напева, не умолкавшимися вокруг отлетных шатров, коим, для совершенной полноты народной Русской картины, недоставало только заветной елки. Странно было в соседстве Дуная и Балканов слышать в песнях этих громозвучные воспоминания: про «*Волгу матушку*» — про «*горы Московские — Воробьевские*» — даже про «*матушку*» про «*Неву-реку*» с ее «*славным Васильевским Островом*»... Но это не естественная ли отплата за то, что — и на Волге — и на Неве — и в Москве — со стольких веков до сих пор, в народной песне Русской не позабылся еще — «*славный Дунай, сын Иванович*»!...

Положительно должно сказать, что этот задунайский выселок Руси, в своей настоящей численности, простирается до многотысячной цифры. Я даже не принимаю в счет тех его отселков, которые, вопреки разных обстоятельств, оторваны от Дуная, переброшены через *Балканы*, даже через *Босфор*, и там, во глубине владений Турецких, пестреют более или менее крупными оазами. Я говорю только о *Побережье Дунайском*. Тут, в многочисленной массе нынешних туземцев, немалая часть изобличает себя с первого взгляда — сволочью

происхождения, или точнее «прихода» — самого недавнего. Особенно видно это в нынешних гражданах *Тульчи*; они так свежи еще здесь, что местное Турецкое начальство, когда некоторые из них слишком расходятся и разбушуются, что́, надо сказать, бывает довольно частенько: начальство, говорю, в таких случаях не знает лучшего и вернейшего средства к приведению их в порядок, как припугнув непозабытым еще от них грозным именем Губернатора или по крайней мере — Исправника. О других окружных поселенцах известно, что они вышли сюда вследствие событий прошлого столетия, преимущественно по разрушении Запорожской Сечи и вообще по смирении бывшей дикой вольницы степного казачества. Но я должен признаться, Милостивые Государи, что еще там, на месте, стало одолевать меня сомнение: точно ли это все пришлецы новые, выходцы недавние? — Многих усматривал я — при несомнительных признаках народности Русской — со значительными приметами очень давнишнего туземства, старше гораздо, чем прошлое столетие... — Тогда вспомнился мне древний список «городов Русских», о котором я уже имел случай упоминать; список, как известно, начинающийся такими примечательными строками: «*А се имена градом всем Руским дальним и ближним. На Дунае — Видицов о седьми стен каменных, Медин. Обе ону страну Дуная — Трнов; ту лежит Святая Пятница. А по Дунаю — Дрествин, Дичин, Килиа. На устье Дуная — Новое Село Аколятра. На море — Варна, Коварна*» *. В строках этих под именами отчасти обезображенными, очевидно, упоминаются *Видин* (*Видицов*) и *Силистрия* или *Дристра* (*Дрествин*); а близ них — и в настоящее время — существуют селения Русские!... К этому можно присоединить и любопытное обстоятельство, что нынешний задунайский город *Рущук*, лежащий между Силистриею и Видином, называется по-гречески — *Русион*, то есть — Русский; а Православный Епископ этого города именуется — Червенским (ὁ Τζερβένιου) и — оба эти наименования существуют издавна... Безрассудно было бы из столь скудных данных выводить решительные заключения; но нельзя не остановиться на таком разительном совпадении современного этнографического факта с отголосками старых исторических преданий. Скажу более: по моим понятиям, образовавшимся вследствие книжных разысканий и живых наблюдений, между этнографией и историей существует постоянное, непрерывное соотношение и взаимнодействие: если история, в своем развитии, неизбежно определяется положительною этнографическою наличностью, то и этнография, в складе своего наличного содержания, всегда более или менее руководствуется исторической памятливостью. Так, например, приписать ли просто одной случайности, что нынешние поселения Русских в Малой Азии находятся именно в тех местах, где давно еще, почти с первых времен Византийской Империи, было обыкновение селить варваров из-за Балкан, с берегов Дуная **, где поэтому народность Славянская в продолжение целых веков приживалось и осваивалась?...

С таким убеждением, кончив предложенный беглый обзор Юго-Запада, я, для полного истощения предмета, смело перенесся бы и в противоположный край: на *Прибалтийский Северо-Запад*, вне границ настоящей России. Что там, в нынешней *Восточной Пруссии*, народность Русская имеет довольное количество представителей в новых, недавних переселенцах, это известно из местных официальных источников. Но и сверх того я полагаю, конечно не без причины, в начале еще XV века описатель путешествия Митрополита Русского Исидора на известный Собор Флорентийский говорил, что он с Митрополитом ехал сухим путем «*от*

---

* *Воскресенский Летописец*, I, с. 20. Затем следует исчисление народов нынешней Бессарабии в Молдавии, начинающееся словами: «А на сей стране Дуная», и т. д.

** См. *Slowanske Starozitnosti*, sepsal *P. S. Safarik*, w Praze, 1837 s. 629. Исторически известно, что в начале VII века, при Византийском Императоре Юстиниане II, великое число славян — Булгар поселено было на восточном побережье Мраморного моря, в так называемой Опсикийской Теме, где они продолжали существовать до времен Константина-Порфирогенета, в X веке. Ср. *Стриттера Memoriae Populorum* II 73—76; 104—105, также 80, 100, 522. Тут именно находится и теперь главная оседлость Русских в Малой Азии.

Риги к Любку — на Русску землю, и оттоль на Прусскую, и оттоле на Поморскую землю» (то есть — *Померанию*)*. Не без оснований также, в следующем веке, другой высшего авторитета путешественник, знаменитый Герберштейн, писал, что народ Русский на Севере вокруг Балтийского моря простирается «по *Ливонии, Самогитии, Мазовии* и наконец *Польше*», разрезываясь только двумя провинциями, Литвою и Самогитиею, коих жители, однако, по его замечанию, все же «порядочной частью Русские» (*ex bona parte Rhuteni*)**. Этих Русских, за пределами Литвы и Самогитии, в прежнем *Судинском* или *Судавском* округе *Пруссии*, знали действительно в то время и наблюдали лично Евангелические проповедники, довершавшие водворение Реформации в Прибалтийском крае; и в их описаниях, которые доныне сохранились, нельзя не признать истых, совершенных Русских — «оттенка З а п а д н о - Р у с с к о г о, но не Юго-Западного, а того, который обыкновенно называется Б е л о - Р у с с к и м***... В настоящее время, ужели никого и ничего от них не осталось? Быть может, и так. Но чтобы совершенно удостовериться в том, нужна живая поверка Русским глазом; а мне не было к тому случая...

Это заставляет меня опять заключиться в пределах лично знакомого Юго-Запада, дабы представленный очерк, который вышел, как вижу, больше «географический», повершить следующим собственно «этнографическим» замечанием. В указанных мной на этом пространстве Русских вне России находятся оба главные оттенка народности общерусской; то есть В о с т о ч н о-Русский (*Велико*-Российский) и З а п а д н о-Русский (тут исключительно *Мало*-Российский). Первый, предпочтительно заключающийся во владениях Турецких, очевидно весь принадлежит эмиграции новой, начавшейся не дальше как с начала прошлого столетия. Об нем считаю неуместным теперь распространяться: скажу только, что, кто захотел бы вживе насмотреться на Велико-Российскую народную старину времен царя Алексея Михайловича, тот едва ли где в самой России найдет ее так хорошо сбереженною. В настоящем случае я желал бы охотнее приостановиться на последнем оттенке, к которому принадлежат, кроме очень малого исключения, все три без малого миллиона австрийских Русинов, которые близко к полной трехмиллионной круглоте доведутся своими турецкими собратиями обеих сторон Дуная. Это, на теперешних местах, давние, известные старожилы; они не помнят себя иначе, как там, где живут теперь: тут их родное небо, родная земля; тут весь мир их; тут для них Русь! — Но Русь эта, Бог весть еще когда, вышла из того круга, в котором народности Русской предназначено существование самобытное и развитие независимое, свободное. Эти Русские состояли и состоят под влиянием обстоятельств, совершенно отличных от тех, при которых народ Русский выработался в основное ядро нынешней России. Между тем, их народная особность, в целости очевидно Малороссийская, во многих подробностях представляет гораздо более сходства и сродства с особенностями народности собственно Великороссийской, чем у наших Украинских Малороссов, живших

---

* Древняя Российская Вавлиофика, изданная Н. Новиковым, ч. VI, с. 33.

** *Sigismundi Herbersteinii, Rerum Moscoviticarum Commentarii,* в Строчевского *Historiae Ruthenae Scriptores Exteri*, Berol, 1841. V. I, P. 4. Вот подлинные слова Герберштейна: «Russia circa populos Regi Suetiae subditos, et ipsam Finlandiam, sinumque Livomnicum, atque per Livoniam, Samogitiam, Masouiam denique et Poloniam usque reuertendo, Sarmaticis tandem montibus (то есть Карпатом) *terminatur*, duabus duntaxat prouinciis, *Lithuania seilicet* et *Samogithia*, interjectis; *quae duae provinciae* licet Rhutenis intermixtae, sint, ac proprio idiomate utantur, earum tamen incolae *ex bona parte sunt Rhuteni*». Вообще Герберштейн, которого авторитет, особенно в настоящем случае, как путешественника — очевидца весьма значителен, до того поражен был необычайным распространением народа русского, что почти соглашался на производство самого имени России от «рассеяния»: *Rosseia* etenim, Rhutenorum lingua, *disseminatio* seu *dispersio* interpraetatur; *quod verum esse, var populi incolis etiamnum permixti, et diversae provinciae Russiae passim intermixtae ac interjacentes, aperte probant.* Ib. V. I. c. P. 1.

*** См. *Johannis Meletii ad Georgium Sabinum — epistola de religione et sacrificiis veterum Borussorum*, в Сборнике: «*De Russorum, Moscovitarum el Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum*, funerumque ritu, e diversis scriptoribus», издан. Spirae, 1582, p. 257—264. Георгий Сабин был первым Ректором Кенигсберского Университета в 1545 году.

всегда возле нас, Великороссиян, и почти всегда имевших с нами одну общую историю. Кроме общей занимательности факта, это важно заметить и прояснить еще потому, что различия, существующие между оттенками Великороссийским и Малороссийским в пределах России, служат для некоторых поводом к утверждению: будто их нельзя считать оттенками одного основного типа; будто это не один Русский народ, а две раздельные народности, каждая с равным самобытным значением в общей великой семье Славянской. Если в той части Юго-Западной Руси, с которой мы наименее были в непосредственном соприкосновении и сношении, братство с нами оказывается так явственно: то правильное и верное заключение должно быть, что в тех частях, которые к нам ближе, оно, значит, затерлось какими-нибудь особыми обстоятельствами. На такие обстоятельства точно и указывает история, представляющая Юго-Запад нынешней России, нашу Малороссийскую Украину, в постоянном трении со стихиями Азиатскими: с Татарщиной и с Туречиной — не говоря уже о соседнем Кавказе...

Прояснять это подробно и обстоятельно, теперь не достанет времени. Но я попрошу у вас, Милостивые Государи, дозволения еще несколькими живыми чертами осветить сказанное мною. Для этого избираю самый дальний и самый давний от нас отрывок Руси Юго-Западной; именно — *Русь закарпатскую*, живущую в нынешней Венгрии.

Я уже сказал, что в настоящее время Русских в Венгрии считается до 625,000 душ. Разбросаны они на обширном пространстве по Северо-Восточной Венгрии; в шестнадцати или и более комитатах, если считать все выселки их, даже и те, которые произошли в недавнее время. Но преимущественно наполнены ими горные альпийские комитаты на восточной границе Венгрии: там, где дико величавая природа Карпатская по всей справедливости заслуживает имя Венгерской Швейцарии. Такое топографическое помещение, конечно, не могло не сообщить особливых оттенков их нравам и быту; во всем огромном мире Русском, это единственный пример — «Русских горцев»! — Видно, однако, горы Русскому человеку не под стать, не под руку, не по душе. Под их навесом, ему нет такого простора, нет такого приволья — как на широком раздолье беспредельных равнин, где молодецкой удали Русской есть где разгуляться, распотешиться — как на настоящей матушке святой Руси! Ему видимо тут — и тесно и душно!..

Всех здешних Русских туземные мадяры называют вообще — *Oroszok* (так точно, как и нас жителей России); Немцы — *Russen* и *Ruthenen* (последнее название взято из книг и употребляется больше в книгах). Сами же они именуют себя: *Русинами*, *Русаками*, *Русанами*, а также и — *Руснаками*. Из имени «*Руснаки*», которое есть не что иное, как одна из местных форм произношения общего, повсюднего имени «народа Русского», произошли: Немецкое — *Russniaken* и Мадярское — *Rusznyakok*»; оба — в значении презрительного, ругательного прозвища. Ибо — надобно сказать — во всем многочисленном разнообразии нынешнего народонаселения Венгрии, эти братья наши сведены на самое последнее место, ставятся ниже всех прочих народностей, ниже даже Волохов и Циндар; а потому, и славное имя «Русских» покрыто здесь прахом глубочайшего уничижения... Несмотря на то, Русский человек бережет его и тут как драгоценную святыню, ни за что не променяет ни на какое другое, всегда с гордостью объявит и назовет себя Русским; во всех житейских сношениях с кем бы то ни было, у него нет выше клятвы и святее присяги, как : «*На мою Русску душу правда! А бых не Русин быв, коли неправда!*»

Кроме того, есть у здешних Русских, по общему Русскому обычаю, промежь себя множество местных прозваний, которыми зовут их и прочие туземцы. Прозвания эти заимствуются иногда от топографических особенностей местопребывания; например: *Верховинцы*, *Крайняки*, *Подгорцы*, *Бережанцы* (то есть живущие по верхам гор, вскрай гор, по подгорью, по берегам рек больших). Иные прозываются — по особенностям местного произношения — по частому употреблению каких-нибудь приговорок; например, *Лишаки*, *Лемаки*, *Цопаки* (похоже, как и у нас, в губернии Рязанской, жители уездов Егорьевского и отчасти Рязан-

ского и Касимовского называются *Цуприки*, по той причине, что имеют привычку прибавлять к словам на конце слог: «цу»). Другие — по наиболее любимым занятиям и промыслам; как-то, *Бляшаники, Смоляники, Гребляники, Свечкари;* либо — по особенностям в наружном виде и других привычках, например, *Лиопаки,* или правильнее *Шлиопаки*, от «шлепанья» широким платьем и вообще тяжелою походкою (тоже похоже на наши прозвания, например: Владимирцев — *клюковниками*, Клиновцев — *лапотниками*, Муромцев — *калашниками*, Новгородцев — *долбежниками* и *гущеедами.* Ростовцев — *вислоухими*, Рязанцев — *синебрюхими* и т. п.). Впрочем, есть и такие из подобных прозвищ, которые, вероятно, имеют особое этнографическое значение; например, *Бойки* и *Гуцулы.* Кстати об именах. Нельзя не заметить, что в фамильных прозваниях здешних Русинов весьма нередко окончание на «ов», свойственное преимущественно Велико-Россиянам, у наших Мало-Россиян почти вовсе неупотребительное, например: *Турзов, Дорзов*, *Черепков*, *Васьков* (имена фамилий помещичьих, пользующихся особою известностью и влиянием в крае).

Сказал уже я, что горы имеют здесь, по-видимому, стеснительное влияние на широкую Русскую натуру. Впрочем, дело тут не в горах только. Во всех отношениях, Русским здесь житье незавидное. Если послушать инородных туземцев, то уже одно имя «Русняка» означает самую низшую степень человечности: и тупость, и глупость, и всевозможные недостатки и пороки. Но кто виноват в том? Один образованный туземец весьма верно изобразил настоящее положение своих Русских земляков следующим Латинским двустишием:

Innumeros equidem, verum *sub nocte jacentes.*
Atque sepultos tristi paupertate Ruthenos!

У самих Русинов здешних существуют весьма знаменательные пословицы, заключающие удовлетворительное объяснение их настоящего уничижения: «*Кого не печѐ, тому не горячѐ! Где тонка нитка, там ся урве! Покля сонце изыйде, роса очи выист. Велика птица, малою животится! Бог высоко, а Царь далеко!*» Или следующие, снятые ими, как видно, с презирающих их соседей: «*Не всякий пан, что мае доломан. Прибери пня, из ниого дай му имя: буде человек!*»...

Главной особенностью нрава Русского считается здесь глубокая скрытность и ничем не преодолимое упрямство. «Упрям, как Русняк!» есть общая поговорка в Венгрии; в отношении же скрытности, ее доказывают всегдашнею медленностью, краткостью и неопределительностью ответов Русняка на самые простые вопросы, ему предлагаемые. Оно точно так: и в этих обоих качествах здешний Русин, как две капли воды, похож на своего брата, Малороссийского Украинца, у которого тоже не легко добьешься слова, и которого также трудно сбить с того, на чем он раз упрется. Впрочем, в рассуждении упрямства, и Великороссиянина не скоро уломаешь, когда он, по его выражению, «запритчится»; у нас тоже есть пословица: «Упрям, как Новгородец!» Касательно же неразговорчивости, закарпатский Русин сам объясняет ее очень умной пословицей, которая у нас выражается почти теми же словами: «*А ты, брате, пожвы* (то есть — пожуй) *слово, та пусти з рота: бо што раз зле зречешь, то поправити тяжко!*»... Краткость и неопределительность ответов происходит нередко и от того, что Русский здесь, как и везде, любит подчасок сказать не просто, а с своего рода замысловатостью, подпустив непременно любимой им иронии. На вопрос, например: «далеко ли такое-то место? скоро ли можно туда дойти?» Русняк помолчит — почешется — и затем ответит известною всякому Русскому аллегорию: «*да як будеш ходити далеко, так близко; а як близко пийдешь, так далеко!*» При таком ответе — Валах вытаращит глаза — Немец презрительно пожмет плечами — Мадяр взбесится и станет ругаться; а тут смысл самый простой, что есть прямая и близкая дорога, да плохая, почему в спрашиваемое место надо идти дальним обходом. За всем тем, бывают нередко случаи, что эта крепко закутанная и запоясанная обстоятельствами натура распахивается: сто́ит только уметь

приняться за Русняка, расшевелить его, пробудить в нем доверчивость, и тогда он заговорит — заговорит уже со всей искренностью, не чинясь и не церемонясь нисколько — даже, пожалуй, если молвишь что́ не по нем, не по его нравам и понятиям, то скажет просто без обиняков: «э, пане! якый ты дурак!»...

Леность, беззаботность, равнодушие ко всему и происходящее оттого во всем неряшество — по замечаниям моим, принадлежат не одним Русинам в Венгрии. Вообще, все тамошнее народонаселение не отличается особенною работящностью: даже Немцы здесь как-то изленивaются, и делаются непохожими на себя, а если взять, например, Волохов, так они и живут гораздо еще неопрятнее и грязнее, чем Русняки. Видно, зло это разлито уж здесь в самом воздухе. Впрочем, насчет Русняка господствует общее между туземцами мнение, что если он примется работать, так сработает втрое против всякого другого. В этом он, значит, не изменяет своей Русской натуре. Было бы только из чего работать! Было бы труду должное поощрение и вознаграждение! А то — поневоле будешь «ленух» и «лежух», когда сколько ни трудись, сколько ни работай, а все-таки, как дойдет до расчета, то — по горько добродушной пословице Русняка — «*пойшов як дранкова мати с несоленым погачом!*»...

С этими, конечно, темными сторонами, в тесной связи состоят и многие похвальные качества Венгерских Русинов, которые, при всем недоброжелательстве к ним прочих туземцев, признаются за ними единогласно; как-то: необыкновенная терпеливость, отсутствие излишней раздражительности и запальчивости, вообще воздержность в потребностях и желаниях, не падкость к запретным наслаждениям, непоблажливость преступным страстям, и вследствие всего этого — особливая тихость, ровность, добропорядочность нравов. Что эти качества происходят в них от их Русской натуры, принадлежат к особенностям их Русской народности, это всего виднее в Венгрии. Тут многое множество разных народностей живет вместе, друг возле друга: четыре-пять племен — в ином комитате, два-три племени — в иной деревне. И что же? — Официальные статистические цифры свидетельствуют, что нигде меньше не бывает преступлений против лиц, как у Русняков; между тем, Венгрия есть такая земля, которая никак не может похвастаться достаточным обеспечением личной безопасности: там только и слышишь что про убийства, про кровопролития, про увечья, совершаемые нередко среди городских площадей, во время комитатских правительственных собраний и совещаний, даже часто по их поводу; не говорю уже о злодействах разбойников, в одиночку и шайками. Преступления против собственности также суть дело весьма обыкновенное в Венгрии: даже из самых Мадяров, считающих себя особою царственною породою в крае, есть много природных дворян, не вменяющих себе в бесчестие промышлять, как ремеслом — конокрадством; но Русняк — опять те же официальные цифры свидетельствуют — редко очень попадается и в воровстве, да и то в каком-нибудь самом пустячном. Вообще замечено, по многолетним наблюдениям, что в тех комитатах, где большинство народонаселения состоит из Русинов — тюрьмы большею частию бывают почти вовсе пусты. Приведу при этом случае любопытную параллель разных народностей в Венгрии относительно поползновения к преступлениям: параллель, составленную Венгерцем и напечатанную в одном из Мадярских журналов, издаваемом в Песте, столице Венгрии *. По преступлениям против личности: «если где затевается ссора и дело пойдет в гору, то Жид завопит и побежит прочь, Немец поднимет шум и угрозы, Кроат станет ругаться и клясться, Словак поспешит уподчивать пинками и оплеухами, Мадяры исколотят друг друга в кровь, Валах рад убить до смерти и убьет, Русняк плюнет, да в волосы» (совершенно Русская расправа!) По преступлениям против собственности: «Мадяр любит поживиться чужою скотинкою, в особенности лошадкою, или волом; Словак предпочитает съестное; Валах кидается на деньги, и так жаден до золота, что из-за медной пуговицы, оттого что она блестит как

---

* *Tudományos Gyüjtemény*, 1822.

золотая, готов зарезать человека; Немец не затрудняется выбором, тянет все, что ни попадает под руку; у Русняка — если разгорятся глаза, так всего охотнее на какой-нибудь ремешек или кусочек железца» (опять точно по-русски!) *. Таков наш собрат закарпатский! Ленив он на дело; ленив — благодаря Бога — и на бездельничество, тем паче на злодейство. Замечу также, что и внутри домашнего быта, Русняки отличаются особенною степенностью и строгостью нравов. Между ними всего меньше насчитывается незаконнорожденных; где это случается, там виновная мать, по общему приговору, торжественно изгоняется из селения. Чувство их в отношении к целомудрию до того щекотливо, что в семействах детей разного пола с малолетства кладут спать врозь; этому совершенно противное делается у всех соседей — у Мадяров — у Словаков и даже,— у Немцев. Наконец, на основании той же опасливости, даже публичные танцы молодежи обоего пола, особенно в публичных домах, то есть корчмах и в трактирах — считаются у них зазорными, и потому вовсе почти не в употреблении.

Есть однако заноза, от которой натура Русская, видно, нигде не освобождается, и которая, к сожалению, слишком часто портит в ней все хорошее, а дурное усиливает, ожесточает. Это о чем некогда так откровенно выразился мудрейший из древних Князей Русских: «*Руси есть веселие пити, не можем без того быти!*» Точно — и закарпатский Русин не может быть без того, чтобы не хлебать буйного веселья из упоительной, и вместе губительной чаши: губительной для него особенно потому, что, умеренный во всем, он тут только не знает меры. Правда, запой Велико-Российский неизвестен здешнему Русняку, так же как и нашему Украинскому Малороссиянину; но зато он готов пить и напиться всякий раз, как только представится случай. Замечательно, что и здесь, в стране виноградников, в отечестве благодатного Токая, которого самое имя очевидно звучит по-русски — натуре Русской нет слаще и угоднее нектара, как наша же блаженная «горелка», называемая и у них также «*горивкою*» или «*зоривкою*», иначе — «*паленкою*» и «*паленицею*», или еще — «*волчьею слезою!*» Последнее живописно-иносказательное выражение, в своей поэтической краткости кажется мне удивительно, или лучше сказать ужасающе верным. Действительно — тяжкая веселость, выдавливаемая этим ошеломляющим напитком из души, одичалой под гнетом судьбы, есть — «слеза», но — «слеза волчья»! Русский человек сам это знает; знает, что за таким весельем следует горшее горе — и заведомо упивается отравою. Вот, например, каким грустно-веселым балагурством сопровождаются обыкновенно попойки у закарпатских Русинов: это известно у них под именем «благословения» или «величания горелки». Разгулявшаяся беседа поет хором:

— «О великая мученице паленице!
Прошла есь скрозь огнь и воду;
Проходишь нашу немощну утробу,
И приводишь нас у беду и невзгоду.
Як тя взяли съ пивници,
Взяли тя до скляници,
Поседали с тобовь за стол на лавици;
Почали на кланяти,
И так дале тебе величати:
О славная великая мученице зорилице!
Сама у золота ходишь,
А нас по болоти водишь;
Умных дурными, богатых убогими,
Всех подданными Жидов чинишь!
Придаешь ты ся попом, паном,
Та и нам небораком простаком!
Як мы тебе напиваемся,

* Все это, и еще более — можно читать по-немецки в *Gemälde von Ungern*, von J. *Csaplovics*, Pesth, 1829. Th. I., S. 248—251.

За волосы тягаемся,
Бичарями махаем на ся,
У конец по болотам валяемся,
И так тебе, великую мученицу, величаем!»

Затем сбирающийся пить произносит следующее курьезное «заклинание», сопровождаемое разными узаконенными обычаем телодвижениями:

— Угу на тя! Фуй тю (*дует на чарку*) — проклятнице, изводнице! Пек бы ти (*плюет на землю*) — паскуда проклята, кривуле нездатна! Или у пустыню за ледовое море, де не е ни дерева, ни травы, но самое поле, и скала на скале, а семь колодиць равных голове! Заклинаю (*крест*), проклинаю (*крест*), запрещаю (*крест*) тя козакомъ, майдаком, гайдуком, и псим хвостом як воротилом! Не иди до головы, не задавай нам беды; а иди до брюха, и ужень з него нечистого духа!»

В заключение, старший в беседе прибавлляет:

— «Покашли, плюнь, и упий, и дай ти Боже на здоровля!»

С такими обрядами и прибаутками, чарка обходит несколько раз беседу; и похвалы, воспринимаемые «великой мученице», сбываются во всей точности над собеседниками...

Этот отрывок из народного быта Русняков может вместе служить вам, Милостивые Государи, образчиком, до какой степени закарпатский Русин, в самых дробных мелочах своих обычаев, сближается с нами Великороссиянами. У нас в простонародии существует обряд подобного же чествования горелки, с прибаутками, в которых встречаются многие те же самые выражения. Но — если коснуться этой жилы народных особенностей, то есть простонародных обычаев, обрядов, примет, сказок, песен и т. п.— примерам сходства не будет конца. В другие разы, если позволите, я займу вас подробнейшим изложением этих, повидимому, мелочей, но мелочей разоблачающих важный факт этнографический: факт повсюдного единства и тожества народности Русской.

Язык Венгерских Русинов, как видно из приведенного образчика, ближе и понятнее нам Великороссиянам, чем наречие Украинских Малороссиян. Сохраненностью своей в таком виде, при такой удаленности и разъединенности с жизнью общерусскою, он обязан главным образом непоколебимой, безызменной, можно сказать страстной привязанности Русняков к праотческому Церковно-Славянскому, или правильнее Славяно-русскому богослужению. Надо сказать, что в настоящее время все они Униаты; но, кроме духовенства, никто из них не понимает, что такое Уния; на вопрос: «какой ты веры?» всякой Русняк имеет один ответ: «Русской!» Впрочем, и самое духовенство их чрезвычайно дорожит обрядом Восточным и языком Славяно-Русским. В последние годы, при известном возобладании в Венгрии мадяромании, на Сейме Королевства было сделано предложение всем держащимся Восточного обряда и Церковно-Славянского богослужения, Православным и Униатам, перевесть все богослужебные книги на Мадярский язык. Представители Православных не нашлись ничего на то сказать; отстояли общее дело одни Униатские Русняцкие Владыки, которые объявили, что, для их паствы Церковно-Славянское богослужение есть заветная, родная святыня, до которой нельзя и сметь прикоснуться. Действительно, Русняки до такой степени сжились с языком церковных книг, который, особенно в настоящем виде, есть не иное что, как язык Славяно-Русский, следовательно, в буквальном смысле их родной язык — так сжились, говорю, с этим языком, что многие его выражения и обороты вошли, как показывает приведенный пример, в повседневное общенародное употребление.

Самобытного литературного образования это Русское закарпатское наречие до сих пор вовсе не имело, не имеет, да и иметь не хочет. Вообще, Венгерские Русины если получают образование, то в школах Латинских, Немецких, Ма-

дярских, свои народные училища иметь им не дозволяется. В единственной учрежденной собственно для них Духовной Семинарии в городе Уге преподавание до 1810 года шло по-русски: так завел было достославной памяти Император Иосиф II; но с тех пор опять водворилось исключительное владычество Латыни. Из получивших такое воспитание, во всех других отношениях впрочем довольно еще порядочное, если кто решается иногда писать на своем народном языке, то берет себе в образец нашу литературу, изучает наши книги, наших писателей, и стремится, сколько сможет, подражать им. В мою бытность за Карпатом, у всех почти мало-мальски просвещенных Русняков я находил непременно хоть одну нашу Русскую книгу: том проповедей Митрополита Платона, стихотворения Ломоносова и т. п.; раз даже застал одного священника — за книжкою покойного Вестника Европы. Не имея современных сведений о развитии нашей словесности и, главное, крайне затрудненные в получении книг из России, они довольствуются тем, что случай заносит в их руки: верхом однако желаний всякого просвященного Русняка есть приобресть, или по крайней мере прочесть «Историю Государства Российского» Карамзина, про которую всякий грамотный из них знает, но которой едва ли не один только полный экземпляр находится в крае; и в этом единственном экземпляре, как мне сказывали, один последний том стоил владельцу баснословную цену — 25 гульд. минц. (около 15 р. сер.). Полагаю, что ничем лучше не могу заключить этот краткий взгляд на самый дальний и глухой край мира Русского, как предложив следующее произведение Карпато-Русняцкой музы, написанное за полвека пред сим одним из представителей туземного литературного образования; оно замечательно для нас и по случаю, подавшему к нему повод:

Плач Паннонии
Над гробом Палатины
Александры Павловны *

Сочинен Иваном Сидоровым, Дворным (то есть Придворным) Переводчиком в Вене

1

Ах, Боги! Что же вам винен,
Засмущен Угорский люд?
Народ верный и повинен
Царю своему отнюд.

2

Ты сердца проникающа,
Паннонии смутна весть;
Бежи во град Петров гордый,
Скажи, что Палатины несть!

3

Ах! бежи, скажи Павлови
Безмерну нам печаль:
Смерть слепа Александру влови,
Паннопии горький жаль.

4

Палатина, народна честь,
Любезна нам ипостас!
Смерть люта, живущих лесть,
Навек отдали тя от нас!

5

Тобою Дворы два цвели,
Пыхою Твоей красоты;

* Блаженной памяти Великой Княгини, сестры благополучно царствующего ныне Государя Императора Всероссийского.

Желаемый мир привели
Помощию с Высоты.

6

Паннон — Руськаго рода старцы
Ждали любень Твой зрак,
Хотя почитать во сердци
Долго желаем брак.

7

Погребите уже дети
Милу вам Царицю,
В сердци вечной памяти
Любезну Княгиню.

8

Велиим гласом воскликнить
При липе надгробной:
Буди Ей вечная память
И блаженный покой!